

СЕРГЕЙ ЧЕРНОПЯТОВ

ПАДЕНИЕ ИСКЛЮЧЕНО!

С Т И Х И и П Р О З А

Кемерово, 2017

РПА «Ректаймс»

ББК 84(2Р=Рус)6

Ч-49

Чернопятов Сергей Васильевич.

Падение исключено! Стихи и проза. / С.В. Чернопятов. – Кемерово: РПА «Ректаймс», 2017. – 102 с.

Сергей Васильевич Чернопятов родился в г.Кемерово в 1956 году. Здесь он учился и окончил школу. После неё было ГПТУ и профессия «Электрослесарь КИПиА». Служил в армии, в Самарканде, в войсках связи. Долгое время проработал на «АЗОТе». Там, на заброшенном пустыре заводской территории, к 100-летию со дня смерти любимого писателя А.П. Чехова, в 2004 году, посадил 100 вишнёвых саженцев, кустарников смородины и крыжовника. Это место получило название «Серёгин огород». Работал пожарным. Сейчас, будучи на пенсии, подрабатывает ночным сторожем в детском садике. С ранних лет дружил с книгами. Стихи писать всерьёз начал уже в возрасте. А параллельно – пробовал себя и в прозе. Своей литературной школой считает студию «Притомье» – при Союзе писателей Кузбасса. Неоднократно печатался в журнале «Огни Кузбасса». А в последнее время там же стали появляться и его небольшие рассказы-зарисовки. В начале 2017 года был издан первый сборник стихов Сергея Чернопятова «Словно родом был из Рая...» Почти следом вышла и вторая книга «Тишина нужна стихам...» «Падение исключено!» – третья книга лауреата областной литературной премии «Энергия творчества».

Составитель-редактор – **Виктор Арнаутов.**

Вёрстка – **Вадим Антипов**

Обложка – **Светлана Янченко.**

От составителя

Мне положительно везёт на знакомства. И не просто знакомства – на открытия! Открытия для себя – и новых имён, и их творений. И далее – способствование по доведению творчества этих одарённых и талантливых людей до других. Прежде всего имеются ввиду – привычная для меня творческо-писательская среда и их сочинения.

И вовсе не зависть застит мне глаза от удач собратьев, как это нередко случается в нашем сообществе, – радость переполняет меня от таких открытий!

Вот и на сей раз, моё личное открытие – кемеровский поэт Сергей Чернопяттов – внешне, казалось бы, ничем особо не примечательный. Даже наоборот, неприметно-скромный и застенчивый. Как будто даже неуверенный в себе. Правда, эти скромность и застенчивость тут же улечучиваются, когда он принимается читать свои стихи, берёт в руки гитару или голосистую двухрядку!

Для меня Сергей Чернопяттов стал открываться как одарённый поэт с первыми услышанными из его уст стихами. Потом были подборки на страницах журнала «Огни Кузбасса», членом редколлегии коего вот уже на протяжении почти полутора десятков лет мне посчастливилось быть.

А в начале этого (2017-го) года он принёс мне целую пачку рукописей своих стихов. И, ознакомившись с ними, они запали в душу и легли на сердце. О том, что я не ошибся в их оценке, подтвердила и моя жена, разбирающаяся в стихах и любящая литературу.

И тогда я предложил ему сделать первый сборничек стихотворений, который мы, с обоюдного согласия, назвали строкой одного из его стихов «Словно родом был из Рая».

И, как говорится, лиха беда – начало!

Почти следом появилась и вторая книжка – «Тишина нужна стихам».

Казалось бы, всё, исчерпаны поэтические запасы Сергея. Ан, нет! Не прошло и полугода, как он выложил кипу разрозненных рукописных листков и даже одну общую тетрадь – из ещё неведомых для меня и читателей сочинений.

К слову сказать, те два сборника, изданные мизерными тиражами, почти мгновенно разошлись с автографами – как среди собратьев-студийцев из «Притомья», так и по именитым и при-

знанным писателям и просто по знакомым. Часть из этих книжек попала в библиотеки области, а отдельные экземпляры успели покинуть пределы Кузбасса, устремясь в Томск, Новосибирск, на Алтай, Урал и даже в первопрестольную.

Что является, на мой взгляд, отличительной чертой поэзии Чернопятава, так это не модная ныне абстрактная и заумная образность, а её публицистичность, выдержанная в лучших классических традициях.

И вот, настала очередь третьей книги пока ещё малоизвестного, но от этого не менее даровитого, кемеровского поэта Сергея Чернопятава.

Обратите внимание на даты создания некоторых стихов. Они совершенно свежие, написанные не просто в 2017 году, а в сентябре и даже октябре этого года! О чём это говорит? Нет, вовсе не о болезненной графомании, как это нередко случается. О творческом потенциале и неутомимости поэта!

А теперь взгляните на тематику стихов.

Казалось бы, Сергей – самый обычный рядовой россиянин, живущий среди нас. Он и созерцает то же самое, что и все мы, и интересуется тем же: что происходит у нас в Кемерово, Сибири, России, за её пределами.

Всё это совершенно доступно и любому обывателю. Так, да не совсем так. Согласитесь, что далеко не у всех на то, что увидел, услышал, прочитал, очевидцем чего являлся сам, – имеется своё аргументированное мнение. А если и имеется таковое (грамотных людей нынче – пруд пруди!), то не всякий в состоянии его (это мнение) толково изложить словами. Ведь, как известно, Слово, хотя Оно и было вначале, далеко не всегда абсолютно точно отражает и обозначает сущее. Напомню и ещё один расхожий афоризм о том, что «Слово изречённое – есть ложь». Нет, не в плане худого умысла, а в плане истинного смысла, самой сути, которое оно обозначает...

Мало того, увы, не всякому, умеющему даже грамотно говорить и писать, подвластно слово художественное, слово образное, поэтическое.

А вот Сергей Чернопятав к такой возможности – выразить свою мысль поэтически – изрядно приблизился. И для него сло-

весно-образное выражение своих мыслей и чаяний стало просто насущной необходимостью.

Прочитает ли он книгу литературного классика или современного автора – и те отзвуки на неё уже воплощаются в стихотворении. И нередко по прочтении таких книг он уже вступает в полемику с автором, ссылаясь на конкретный эпизод, биографический факт, поэтическую строку, образ. И тогда то, что рождается в результате этой полемики, предваряется конкретной строкой или высказыванием – в качестве эпиграфа.

Хорошая книга и признанные авторы (пусть даже и жили они сто-двести лет назад) для Сергея – умные друзья и собеседники. И среди таковых: А. Пушкин, М. Лермонтов, И. Тургенев, А. Некрасов, А. Чехов, И. Бунин, А. Ахматова и многие-многие другие, в том числе зарубежные классики и наши современники.

Вспомнит ли он своё розовое детство, ушедшую юность, далёкое (или не очень) прошлое, что вызвано каким-то сегодняшним случаем, эпизодом, ассоциацией – и уже переносит всё это на бумагу, записав столбиком и образно-рифмованно.

А сколько стихов (вовсе не хвалебно-«датских») у него посвящено своим братьям по «Притомью» и руководителям этой студии: С. Донбаю, Д. Мурзину, Ю. Дубатову, В. Киселёву, С. Гейне, Б. Устинову, Ю. Климанову, В. Кальсину, Г. Корогод... да и мне, грешному... И ведь всё – в строку! Нередко, правда, эти строки имеют лёгкий иронический или дружеский пародийно-шаржевый налёт. Но чаще – безобидный.

Чего никак нельзя сказать о тех стихах, в которых речь идёт о серьёзном, насущно-большом, историческом, масштабном. Или, когда задето за живое наше национальное, когда льются потоки лжи и ненависти на наш народ, Отечество, Президента, нашего Губернатора...

Тут уже совсем иная интонация. Хлёткая, беспощадная, даже с сарказмом: «Не троньте нас, русских, мы полудраться не умеем!»

Попробовала фрау Меркель пригрозить России – нате вам в ответ, пожалуйста, «Маркелова Анжела»:

«Историю учить бы
Вам, фрау канцлер, надо:
Россию нужно lieben
«Друзьям» из Фатерланда!»

А за «наезды» на Россию – всем «сестрам» – «по серьгам»: и «нагло-саксам», и вам – «Обама из барака»! И за «утомление Трампом» – тоже!

А мало ли своих, внутренних проблем, с настоящей болью представлено в «Новостных картинках»? В них досталось и «пассионарной» Поклонской, взявшейся с «высоты» своего депутатского кресла судить о творчестве и поучать киномастера Алексея Учителя – за картину «Матильда»! И нашим лживым, продажно-навязчивым СМИ, с их ненавистой рекламой, низкопробными заимствованными скандально-развлекательными (отвлекательными) шоу-программами и «мыльно-жвачными» сериалами!

Прокатилась скандальная волна телепередач и поносных статей в прессе о любимом народном артисте Армене Джигарханяне – будьте любезны, получите! Пропиарилась в очередной раз одиозно-амбициозная девица Ксения Собчак – аж в президенты самой России-матушки намылилась – «держи гранату», получай по заслугам, знай сверчок свой шесток!

В эту, третью по счёту, книгу вошли не только новые стихи поэта, но и его прозаические опыты – в виде зарисовок, очерков, небольших рассказов. И в них автор чаще всего, со знанием дела и того, о чём пишет, преуспевает – и не просто как бытописующий созерцатель, но как писатель-публицист, с чётко выраженной своей гражданской позицией.

Остаётся только пожелать Сергею Чернопятову: не останавливаться на достигнутом, совершенствоваться в мастерстве и всегда оставаться на острие современных проблем. Одним словом, держаться на высоте, и чтобы всякое падение было, и в самом деле, исключено!

октябрь, 2017 г.

Виктор Арнаут, член Союза писателей России

ДАЙ БОГ ПАМЯТИ...

А я на пенсии. Она во всём похожа
На миг свободы самых длинных из каникул,
Когда за окнами отнюдь не день погожий –
Сентябрьский дождь стучит о стёкла, а я с книгой –
Моей ровесницей из моего столетья...
Она, как я, до дыр протёрта и разбухла,
Но как же сладко вновь её листать, поверьте,
Пока борщ варится у бабушки на кухне...
А я – на пенсии... Иль мне сегодня – десять?
Какая разница? Читаю про элов
И психиатру дверь в квартиру не открою.
«Машине времени» от Герберта Уэллса
Я снова верю этой утренней зарёю.

Как в детстве бежали ребята
За хохотом в кинотеатры!
А есть ли хоть что-то на свете
Смешнее французских комедий?!

И кто мог признаться из класса:
Пугается, мол, Фантомаса?
С ним можно успешно бороться –
В нём Жана Маре благородство.

В кино – и погони, и взрывы.
Но дети не за детектива
И не за тупых полицейских,
А за гениальность Фюнеса!

А монстр, сошедший с экрана,
Европе расставил капканы.
Опять Фантомасом зал взорван,
Сейчас бы на помощь Фандора!

Но прошлого века герои
Ушли к звёздам млечной тропею,
Оставив для битвы с кошмаром
Киношных, смешных комиссаров.

Сентябрь, 2017

Юрию Дубатову

Он развернул пакетик
Бумажный свой, в линейку,
И там, на дне тетрадного листка,
Я мог уже заметить,
Как стольничек краснеет –
Карманные все деньги мужика.

Достал – и к гастроному
Гонца послал привычно.
И я знакомой тропкой поспешил.
Уже в дверном проёме услышал голос зычный:
«На праздник – кошелёк чтоб подарил!»

Мы, выпив, загутарим
О жизни нашей – кляче,
Что тащится под бременем долгов...
Но, педагог мой старый,
Я знаю: ты богаче
Любых на свете денежных мешков!

А память моя срочно
Вдруг в детство окунулась,
Хотя всё это было так давно:
Из узелка платочка
Мне гривенник бабуля
Вот также доставала на кино...

Дай Бог памяти: я как-то раз
Пробовал с китайцем на... китайском
Объясниться. Слез из узких глаз
Не пытался спрятать иностранец.

Парень с Поднебесной объяснил
От чего в ответ от смеха плакал:
С ним я на китайском говорил
С интонацией, как китаянка.

Уничтожен я. Конфуз какой!
Помню, изучал язык старинный
Длинными ночами под луной –
Слушал страстно даму из Пекина.

Может быть, влюбился в голосок,
С радиоволной в Сибирь летевший, –
Повторял за нею каждый слог
Тоном непривычным и потешным.

И доповторялся... Говорю
Я на языке чужом отменно,
Но не как Конфуций, иль Ду-Фу,
А как трансвестит, иль хуже – евнух...

Мужики! Поймите мой испуг:
Пацаны – мы в школах розовели!
Все мы, как один, из женских рук –
Как литература – из «Шинели».
На вопрос скажи мне, педсовет:
Кто за перекосы отвечает?
Кто на протяжении ста лет
Из мужчин мужское выметает?

Реплика провинциала

...Обсуждая роман, каждый выступающий начинал с одних и тех же, как под копирку, слов: «Как же всё знакомо и близко в этом произведении». И всякий раз я чувствовал при этом себя чужим среди своих. Поэтому, что для моей провинции жизнь зареченских парней казалась мне экзотической...

Ах, родная моя Правотомка!
Как же были бедны мы с тобой.
Я узнал: как мои одногодки
Проживали за Томью-рекой.

Не ходили в прокопьевских джинсах
С брагой пенною в банных ковшах –
В ресторанах они пили виски,
К границе неровно дыша.

И в умеренном, к слову, подпитье
Сквозь дым «мальборо» строили план:
Что сначала – в Москву или в Питер,
Из столиц – проще за океан.

По одним книжкам жили когда-то,
Но откуда такой разнобой?
Необычные всё же ребята
Проживали за Томью-рекой.

Только я не расстроился горько,
Что, мол, мимо чего-то прошёл.
О романе, что знают в Нью-Йорке,
Я в «Притомье» читаю стишок!

Январь, 2017

«По поручению губернатора...»

Из дома выйти, иль сидеть под крышей,
Что ждёт меня жара или морозец?
Давно «по поручению» не слышу
Предупреждений о грядущих грозах.

Всё это мне напоминало деда.
Ворчащего напутствием в дорогу:
«Авдотья, нынче стужа до обеда,
Одень-ка потеплее ты Серёгу».

Пусть я совсем не маленький мальчишка,
В зонтах не вижу ни малейшей пользы,
Но жаль, что поручений вновь не слышу –
Предупреждений о грядущих грозах.

Сентябрь, 2017

Каникулы

В избе натопленной каникулы гостили.
Шкварчало сало в сковородке на огне,
Комочек теста руки бабушки месили
Под физзарядку из тарелки на стене.

И я на койке потянулся, а не в классе.
На десять суток, кроме книжек, я ничей.
На этажерке Стивенсон, Дюма в запасе,
Бабули взгляд, теплее солнечных лучей.

Мои друзья – герои снежных кувырканий,
Кричат за окнами: «Серёга, выходи!»
Но я с лепёшкой и двумя эсю в кармане
Уже не дома, а к Парижу на пути.

И вот сейчас, когда заледенели чувства,
Проснётся память вдруг и сердце ободрит.
К кому-то стая тех деньков моих французских
С таким курлыкающим именем летит.

Совет от взрослых помнится один,
Когда я банку со сгущенкой гладил,
Прохладненькую, только от витрин,
Чтоб растянул ее хотя бы на день!

С наклейкой голубой, как неба высь,
Но мир блаженства крышка приоткрыла,
Какой там день – он долгий, словно жизнь, –
На пять минут бы лакомства хватило!

Постарше стал, в гулянке от души,
Однажды прокричал мне даже ветер,
Смахнув стакан с газеты: «Не спеши!
Разбавь приятное на целый вечер!»

Не торопиться в нашей стороне
Мне прививали с помощью оклада,
И понял я, пропорция по мне –
Глоток на литр дружеского взгляда.

Причина есть слегка притормозить,
И как сказал однажды мудрый классик:
«В России должен каждый долго жить,
На улице своей, чтоб видеть праздник».

Помню, в школе текли бесконечно
Те мгновения перемен,
Одноклассник со мной все подсечки
Отрабатывал возле стен.

Бил и с левой ноги он, и с правой,
Улыбаясь всегда смотрел,
Как ему, поддаваясь исправно,
Всякий раз я на пол летел;

Но однажды в компании шумной
Я увидел среди учениц
Ту одну, пред которой не думал
Опускаться до половиц.

То, что спарринг его под угрозой,
Не заметил мучитель мой –
С высоты двухметрового роста
Сам свалился перед толпой...

И от хохота класс мой взорвался,
Это было всё, как в кино!
И всех звонче она смеялась,
О которой мечтал давно.

А свирепую тотчас расправу
Надо мною спугнул звонок.
Большей в жизни не ведал я славы,
Той, что выпала мне в тот урок.

Сорок пять минут девичьих взоров!
Я тогда твердо знал одно:
Что бывают минуты, в которых
Падение исключено.

Для тех, кому за...

И снова звучат где-то трубы,
Запоздалую кличут любовь.
Я принаряжаюсь, мчусь к клубу –
«Не разгорающихся костров».

Как прекрасно там быть желанным,
Где бокалы с шампанским звенят.
Нерастрченных ласк Монбланы
Возвышаются лишь для меня.

Может быть, судьба приголубит,
И улыбку в конце-то концов
Я Джоконды увижу в клубе –
«Не разгорающихся костров».

Вечный почтальон

*Лучшему разведчику XIX века
Александру Чернышёву*

Вновь он мчит полями
Под бубенчик звонкий,
Прозванный друзьями
«Вечным почтальоном».

Но теперь не письма
Вёз он от столь-града,
Разузнать бы мысли
Корсиканца – гада.

Прячет он, проклятый,
Свой оскал звериный...
Но у Бонапарта
Есть сестра Полина...

Вот, с которой ночью...
О любви всё речи...
Нравится ей очень
Русский наш разведчик.

Прямо из постели
Дьявола-сестрицы –
К писарю Мишелю
Александр стремится –

К анти-патриоту,
Купленным когда – то
В восемьсот четвёртом
Русским дипломатом.

Каждый день был дерзким,
Но след в след упорно,
Шёл шеф контрразведки –
Савари матерый.

Он нашёл в камине,
Почерк несгоревший.
Встречен гильотиной
Писаришка грешный.

А Барклаем Саше
В Питере дан отдых –
За секреты вражды...
До войны полгода.

Ко Дню Победы

Нынче мы ждали на слёт ветеранов –
Старых партнёров из-за океана.

Город встречает «весёлых ковбоев» –
Тех, кто помог нам в борьбе с немчурой, –

С гордой осанкой, сломавших хребтину
Псу бесноватому – сукину сыну.

Наш фронтовик военкомом был вызван,
Чтобы ладонь жать солдату Ленд-лиза.

А вот – и Джон, с белозубой улыбкой –
Стройный, подтянутый, словно с картинки,

С блеском в глазах: «Где соратник мой, Ванья?»
Вмиг он облапил союзника-парня –
С палочкой и со звездой Героя,
В старом костюмчике – времён застоя...

Я слёз обиды скрывать не старался,
Будто бы сын и отец обнимался...

Но застонал от портретов контрастных,
Вечный вопрос задавая напрасно...

Как описать то без мата, прилично?
Будет ли стих этот патриотичным?

КАРТИНКИ НОВОСТНЫЕ

*«Я – русский... меня трогать не надо.
Противопоказано. Я полудраться не умею...»
(Эдуард Лимонов)*

Картинки новостные
Страна моя смотрела
Опять грозит России
Маркелова Анжела.*
Канал включаю главный,
Но новостям не рад я:
Вновь санкции гортанно
Летят из Фатерланда.

Себя не удосужат
Припомнить суд Нюрнбергский:
На русского не нужно
Коситься по-немецки!
Историю учить бы
Вам, фрау канцлер, надо.
Россию нужно lieben**
Друзьям из Фатерланда.

И тем, кто вас науськал,
Вам объяснить придётся:
Не надо так на русских –
Дороже обойдётся!
А мир, как прежде, зыбок, –
Весь в прорези прицела...
Россию нужно lieben –
Маркелова Анжела!

* Маркелова Анжела – Ангеле Меркель

** lieben – с немецкого: любить

Нагло-саксы

Мой друг не выговаривал страну –
Одну из Европейского пространства.
Гитарную он трогая струну,
Бросал: «Сейчас споём, как нагло-саксы».

Я поправлял его, я «Битлз» уважал.
Я наслаждался песней Элтон Джона.
Но оккупантом кто-то обозвал
Меня на том туманном Альбионе.

В тумане ж невозможно распознать
Цвета чудесной радуги над Темзой.
Но разве это повод: так сказать
В мой адрес незаслуженно: «Агрессор!»

Возможно, они в чём-то хороши,
Чарльз Диккенс теплоту во мне оставил...
Но друга, что с названием грешил,
Сегодня б я, пожалуй, не поправил.

Сентябрь, 2017

Утомление Трампом

В Штатах было много президентов,
И достоин памяти любой.
Всё же имена их канут в Лету,
Лишь одно возвысится горой,

Или пирамидой – в сотом веке.
Не один потоп переживёт.
И последний, выживший в ковчеге,
Сам себе его произнесёт.

Это имя отовсюду рвётся:
От оконных хлопающих рам,
От калиток лаем раздаётся,
Хлещет ливнями по площадям.

Ни один в столетье прошлом гений
Даже и не мог предполагать
То, что чаще, чем Ульянов-Ленин
Имя это будут повторять.

От него во сне хочу укрыться –
Ночь замену добрую нашла:
Мне Макрон с Макронихою снится,
И жена французского посла.

Сентябрь, 2017

Совсем другое кино

*«Проклятые бабы...»
(Реплика Ивана Бунина из фильма
А. Учителя «Дневник его жены»)*

А на радио шуточки плоские,
Там шарманку заводят вновь старую.
Всё решают: куда деть Поклонскую –
Бескорыстную, пассионарную?

Есть другие картины у мастера –
Не Матильда там, а Галя с Верою,
Там карась наложил в сердце классика,
Где он к Нобелю шёл через тернии.

Разлучит кто с любовью последнюю?
Он ревнив, встретив каждого усача:
Уведёт же у бедного гения
Его даму... такая же дамочка.

На душе боль не только царевичам,
От разлук с разными балеринами.
Не грустите, Иван Алексеевич,
Ну, и чёрт с нею, с этой Галиною!

Это – тоже кино от Учителя,
Что рисует Художников прошлого.
Ученицы, вам всё ж непростительно
Из страны вить кошмары киношные.

А на радио шуточки плоские:
Нужен новый посол в Никарагуа,
Предлагают Наталью Поклонскую...
А спросили её: это надо ей?

Октябрь, 2017

Возвращение Амана Тулеева

«Неужели нельзя было сказать, что я не умер?»

(Аман Тулеев)

«Слухи о моей смерти несколько преувеличены»

(Марк Твен)

СМИ в молчанке сносят мозг:
Может быть, второй Форос?
Может, вновь людской толпе
В шею гнать ГКЧП?

Только нет среди «Новостей»
Нынче белых лебедей.*
И Шахтёр**, что над рекой,
Сердцем дал сигнал: «Живой»!

Он, едва покинув борт,
Всем по серьгам раздаёт!
Речь Хозяина крута –
Дом зато не сирота!

Гулливер! Один из тех,
Кто и сидя – выше всех.
Кто его не ожидал –
Марка Твена не читал.

Значит, снова, как в забой,
И – спасибо, что живой!
Что себя нам возвратил,
Своих недругов простил.

Август, 2017

* Во время путча ГКЧП по телевидению на всю страну вместо «Новостей» транслировали четырёхчасовой балет «Лебединое озеро».

** Памятник Шахтёру Эрнста Неизвестного в Кемерове.

Н. Берберовой

*«Мне на плечи кидается век-волкодав»
(Осип Мандельштам)*

Её сердце память тревожит,
Вновь рисуя время утрат:
Тогда белой, такой же ночью
О чём-то вздыхал Летний сад.

Вздыхал? Нет, кричал: «Грянет выстрел!»
Печальный начнётся отсчёт.
Но мало кто слушает листья
На площадях бывших болот.

А век ещё только учился
Кровавый намётывать глаз.
Ещё только чуть приоткрылась
В рычаньи зловещая пасть.

Альпийские горы смотрели
На то, как резвится здесь зверь,
Суровые вяжутся петли,
Без промаха бьёт револьвер...

Такой же над Мойкою вечер
Всё также захватывал дух.
Жаль, эхо совдеповской речи
Нисколько не радует слух.

О самом себе

От всех компьютеров и СМС сбежал,
Избу над речкою с песочком отыскал,
Но понял вдруг сквозь пенье третьих петухов,
Что нить порвать я с внешним миром не готов.

Иду в сарай – привычно выгрести навоз –
Я вновь под новости из мира кинозвёзд.
Держа на вилах ароматный тёплый груз,
Мне грустно думать, что разводится Том Круз.

А глаз коровы вести спорта отразил.
Я зря с рассветом, видно, радио включил.
И получил – команда старости моей
Из европейских изгоняется полей.

А по программе сельской – пенье летних птиц
И стрекот радостных кузнечиков в лугах,
Июльский гром, что щедро дарят небеса...
Заткнуть не в силах это вражьи голоса.

*«Подписано разрешение мэром,
заключат браки в зоопарке...»
(Из последних новостей)*

Браки заключали
Раньше в небесах.
Что-то изменилось в этом веке.

У семьи начало,
Даже не в лесах –
Нынче молодые рядом с клеткой.

Прокричит им «Горько!»
Шимпанзе семья,
С новенькими разделив бананы.

Поднимаю стопку
За круги своя.
Прав был всё-таки товарищ Дарвин.

Мелодичный звонок
Марш играет с порога.
От родных бы кивок,
Да и этого много.

Ведь его никому,
Кроме вас, и не надо.
Улыбнитесь ему,
Пока он с вами рядом.

Как наивен чудак,
Не совсем ещё старый.
По субботам зевак
Кормят телекошмаром.

В ящик смотрит родня –
Не моргнёт даже глазом,
Ах, как жаль, что меня
Нет на улице Вязов!

Я до нитки промок
Злючей к дому дорогой.
От родных бы кивок,
Да и этого много.

Дед и Обама из барака

Свой ядрёный вдохнув самосад,
Прохрипел мне: «Серёжка, «Программу»!
Слушал радио, там говорят,
Про какой-то барак в Алабаме.

Да я знаю, что он пражидент,
Они все у меня тут в тетрадке...»
И кряхтя, сам с собой уже дед:
«Ты ж поди ж, пражидент – из барака!

По всему видно – парень простой,
И на облик не больно уж маркий,
Прямо я, был когда молодой –
До барака иду с кочегарки...

На крючок в сенях двери закрой,
На ночь в топку подбрось, чай не лето...»
Из барака, тот парень простой,
Уже целится в деда ракетой.

Ксении Собчак

*«Ксюша – это обезьяна с гранатой!»
(Сергей Шнуров)*

В словах Шнура не стоит сомневаться, –
Я это понял, вглядываясь в телек:
Там микрофон в её изящных пальцах
Представился оружием смертельным.

Вмиг стало не на шутку жутковато
От перспективы близкой и жестокой:
А ей ведь не слабо сменить гранату
На чемоданчик с ядерной кнопкой...

Октябрь, 2017

Юность претендентки

Только солнце за городом скроет
Все отходы минувшего дня –
Полстраны ожидает «героев»
В теле-«Доме», под номером 2.

Здесь, взвалив на девчоночьи плечи
Непосильный для Ксении груз,
Супер-дивная «сваха» под вечер
Сочиняла «счастливый союз».

Бил в ладони я, будто в литавры,
Телевизор не зря ведь включал...
Но в ...загоне гуляли кентавры
Или стая капризных волчат.

Аналитикам – море работы,
Где у сплетен не видно конца.
А ответ – очевиден, до рвоты:
Не хватало тем «детям» ОТЦА!

От сиротства – нелепые споры,
Нищета в их глазницах пустых,
Но сказал ведь Поэт, что из сора
Иногда вырастают цветы...

Там однажды «цветочек» созреет,
Вознесётся над древним Кремлём...
Третьим Римом стать вряд ли сумеет –
Будет Третьим (под номером) «Дом»...

Октябрь, 2017

Новая поговорка

*«Плохому танцору и ... мешают»
(Старая русская поговорка)*

Ведь было времечко –
За них переживали...
Кому нужны те раздражения танцоров?
Проблема – семечки:
Хирурга вызывали...
И – па-де-де – бальзам целительный для зора.
Причина? Вновь она?
С другим названьем только...
Но также люди неуклюжие страдают...
Совсем зелёная
Резвится поговорка:
«Плохим политикам – и хакеры мешают!»

Октябрь, 2017

**Богатые тоже плачут, или
Ещё раз о заграничных новостях,
в которых я, якобы, нуждаюсь**

Телефон трещал,
Соскочить хотел
С рук –
Вновь мне запрещал
За бугор смотреть
Друг:

– Что тебе Пит дал?
Ты ж с ним не знаком...
Пусть!
Ты ж вчера страдал
Что в отставке Том
Круз...

С голосом, как сталь,
Получил большой
Втык!
Мне ж детишек жаль:
У Джоли такой
Бзик...

Чья из них вина?
Кто принёс любви
Вред?
Разрываюсь я:
Пит или не Пит?
Бред!

ГЛАДИАТОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Вся моя доктрина терпит крах,
Зря на молодость ярлык наклеил:
Будто нынешние на словах
Двум собакам сена не разделят.

Ведь от эсэмэсок дуба дал
Наш великий Русский разговорный...
В каждом городе, как с древних скал,
Не слова – рисунки на заборах.

Думал я об этом лишь вчера,
Но сегодня близок был к инфаркту:
Выдали такое «на-гора»
Элки Людоедочки внучата...

Словно после засухи – к дождю
Я припал к поэзии высокой.
Вспоминал их маленький дебют –
Первые на стенках лифта строки:

Ранец за спиной, мелок в руке,
Одухотворённейшие лица,
Как они писали в уголке:
«Мух не бейте, ведь они – как птицы!»

Снова с пацанами я на «ты»,
Вновь изнемогаю, как от жажды,
Не топчу, не порчу борозды,
С ними, пристяжным, бегу в упряжке.

Борису Устинову

С авторитетом не считаясь,
Рождаются во мне слова:
– Нет, ты не прав, товарищ Маркес,
И вы, ребята, – из «Би-2».

Ещё б отвесил замечаний,
Да времени для спора нет.
Мне руку жмёт однополчанин –
Гуляка, воин и поэт.

Он мест иных давно не ищет,
Где четверги так славно жгут...
«Полковнику» – в «Притомье» пишут
«Полковника» – в «Притомье» ждут!

Апрель, 2016

Волшебная лампа Димы

С рюкзаком, словно тень на перроне, –
То ль поэт, толь священник бредёт.
Что-то плоское в крупной ладони
Его палец натруженный трёт.

Может, зеркальца это осколок,
И на нём проросла сквозь года,
Превратясь в сотни острых иголок
Несмываемая борода?

Исцарапал истёршийся ноготь
Виноватое в чём-то стекло,
Что не кажет, где радости много,
Где веселье, где вечно тепло...

И с собою – так встретиться трудно,
Ноготь стёрт до крови, до корней...
Только бы хоть сверкнул на минутку
Юный взгляд из студенческих дней.

Как удачи желаю ему я:
Перед сном, чтоб, расправив постель,
На экране прочёл: «Повинуюсь.
Завтра вылет твой в Крым, в Коктебель!»

*После вечера «У камина»
на «Красной Горке»*

Звёзды капали, как слёзы,
Из Рождественского неба.
Ты стояла на морозе
С колбасой и булкой хлеба.

И я радости не скрою
После творчества процесса...
Ты мне с этою едою
Стала ближе, поэтесса.

Этим вечером холодным,
Разглядев глаза-черешни,
Понял я: не быть голодным
Мне – ни внутренне, ни внешне!

Сильвио в юбке или «Выстрел-2»

Поэт катался с дамами проспектом Невским,
Одна из них – ещё вчерашняя невеста –
Глядит на мужа, ничего не понимая:
Его ладонь не по её ноге гуляет.

И вновь его словам блистать перед супругой
О том, что к даме прикоснулся он, как к другу,
Что машинально, нехотя коленку тронул,
Что не соперница она его мадонне.

С его умением быть господином речи –
Сердечко жёнки успокоить – что есть легче?
Гроза утихла, снова овцы в стаде целы,
В углу кареты волки голодом сидели.
Что в их глазах творилось – и гадать не надо...
За мною выстрел будет, друг мой Александр!

Прошли года, пора сударыни настала,
Одесса памятник поэту открывала.
Вновь молода, как будто не было полвека,
На постамент ей плюнуть хочется с разбега.

Но дама, ненависть, что берегла так долго,
Всю израсходовав на высохшие ноги,
Свалилась со слезой дряхлеющей волчицы.
Поэт ей бросил: «Что теперь, в гарибальдийцы?»

А.С. Пушкину

Блаженство: являться
Волшебником слова,
Когда от тебя нет
Замка никакого.

У женской шкатулки
С названием сердце,
Что просится в руки
Твои отогреться.

В письме можно мило
Дружкам признаваться:
Шкатулочек было
Всего сто тринадцать.

Учил нас Сергеич,
Как просто стихами
Проникнуть в сердечко
К любой гордой даме.

Сняв знакомый томик с полки,
Вспомнил годы, города...
Как за Пушкинские строки
В прошлом веке кровь отдал.

Письма, что искал полжизни
До седин в своём виске,
Я увидел в «Букинисте»
С пустотою в кошельке.

От иронии жестокой,
Как в капкане, зверем взвыл.
Наскребал в мгновенье ока,
Я ж когда-то на пузырь.

И не знаю, что б я делал,
Если б не один нахал,
Предложил он мне за деньги,
Чтобы донором я стал.

Сколько стоит книжка, мелочь
У него я отсчитал,
Зная точно, что Сергеич
С неба спонсора послал;

Разглядел орлиным оком
Сквозь звенящий мрак веков
Неприметного потомка,
Что хмелеет от стихов.
Верю, бдят там неусыпно,
И пока к себе нас ждут,
Одному, глядишь, подсыпят,
У другого – отберут....

Режиссёры и актёры царских спектаклей

*«Не Богу ты служил и не России –
Служил лишь суете своей.
И все дела твои – и добрые и злые –
Всё было – ложь в тебе,
Всё призраки пустые....
Ты был не царь, а лицедей!»*
(Фёдор Тютчев)

А государь умел любить,
Чужих жён брать на пробу.
Ему б с врагами так шутить,
Когда пал Севастополь.

Ему бы быть у батарей,
Брать англичан измором,
Когда от тысячи смертей
В Крыму штормило море.

Но нет. Знавал шторма наш царь
У фрейлины – под юбкой...
Он от любого мужа дар
Ждал в щедром Петербурге.

И лишь того судьба-слуга –
Как в масле сыр, катала,
Кому царь вешал на рога
Фуражку генерала!

И при дворе водилось в старь:
Обиды муж не скроет,
Жену чью славный государь
Объедет стороною...

Но это всё не просто так –
Обставит, как в спектакле...
(В тридцатых – горестных годах
Я б на премьере плакал).

Самодержавный назначал
На эпизод – француза.
Но тот, злодей, переиграл,
И «пьесу» оконфузил...

Полетике дал «режиссёр»
Роль благородной свахи...
Та ж – предоставила «шатёр» –
Из мести, и из страха.

«На карауле» – Пётр Ланской,
Он приз получит главный:
Наталью назовёт женой
И станет генералом...

Ещё раз, в семьдесят седьмом,
Последним рассмеётся...
Взгрустнёт и вспомнит об одном –
Отнюдь не рогоносце...

*«Антон для неё был дорог в трёх ипо-
стасях, в такой последовательности:
Писатель, Доктор, Муж.»
(Из высказываний современников)*

Он взял анализ у супруги,
И затуманилось пенсне,
И сердце содрогнётся в муке:
Как мало рядом был он с ней!

Но лекарь взгляд печальный спрячет
Лишь память оживит в тоске:
Она весёлая, с собачкой,
И светлым зонтиком в руке.

Сверкает «мхатовский» парадный,
В цветах, в поклонниках, в шелках –
Она жила «Вишнёвым садом»,
Парила «Чайкой» в облаках.

Любовь – с вокзала до вокзала,
И снова крымская хандра.
Его актриса обнимала,
Её в Москве ждала игра.

И вот, перо сменив на скальпель,
Он всё же чудо совершит:
Рад будет Доктор, Муж, Писатель,
И чайка... «Чайка» будет жить.

К 200-летию Ивана Сергеевича Тургенева

«И. С. Тургенев за обедом в одном из самых фешенебельных лондонских клубов, внезапно ударил по столу кулаком и стал выкрикивать: «Редька! Тыква! Кобыла! Репа! Баба! Каша! Каша! Душит меня здесь, душит, я должен себя русскими словами успокоить».

(В. А. Соллогуб – из воспоминаний)

Да, было это в Британии,
Над Темзою, в чопорном свете.
Иван говорил, как чеканил:
«Баба! Тыква! Телега! Редька!...»

Припомнив своё имя,
За туманом, за Альбионом,
Оживал за столом Тургенев,
На лекарстве родном, народном!

У хозяев поджаты губы:
Мол, приезжий немного спятил,
Что случилось, что в светском клубе
Ругается русский писатель?

Слово чуждое круче пушек
Над страной нынче взмыло ловко,
Заарканить желает души
Секендхендовская верёвка.

Вы нужны нам, Иван Сергеич,
Как охотник, к тому же меткий.
Садануть по заморской речи
Снова: Бабой! Телегой! Редькой!

Недостроенный дом
(почти по Некрасову)

Поздняя осень, в домах затопили,
Лишь об одном в переулке забыли.
Свет из окошка не льёт теремок.
К небу не рвётся от кровли дымок;

Вьюга влетает в дверные проёмы,
Арию воет о странностях дома –
Дома, в котором который уж год,
Только лишь эхо под крышей живёт.

Кажется, серые стены друг другу
Шепчут: «Обрыдла осенняя вьюга,
Хоть бы ворону ноябрь занёс,
Или забрёл тощий, брошенный пёс.

Чем пред хозяином мы провинились?
Плотно кирпичики наши сложились,
В небо стремились догнать облака,
Чтобы с балкона виднелась река...»

Стенам несёт ветер грустный ответ,
Что, мол, хозяину моченьки нет.
Всё просчитал он, и всё-то измерил,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге, не ест и не пьёт,
Червь ему сердце большое сосёт.
Руки, что мерили комнаты эти,
Высохли в щепу, повисли как плети.

Песнь о соседе устал я слагать,
Только летит с неба строчка опять:
«Очи потухли и голос пропал...»
Стих я с Некрасовым вместе писал.

Я знал в поэзии примеры
И свой шесток – ступень свою,
Пока мой друг строку Бодлера,
Прочтя, не принял за мою.

Он не читает переводов,
Французский век ему не знать,
И до скончанья дней я мог бы
На лаврах смело почивать.

Авторитетом быть бесспорным
В стихах – что лучше пожелать?
Не чёрт язык мой честный дёрнул,
И совесть вылезла опять.

И пусть себя лишил оваций
Я дармовых, зато постиг,
Как важно с классиком сливаться
Хотя б порой, хотя б на миг...

Завод на небо сквозь трубу опять чихал,
Насосы воду в унисон котлам качали.
Начальник смены мне и слесарю читал
Свои стихи, на щитовой, за кружкой чая.

Ему в ответ я выдал плод моих ночей,
И мне, мозольными ладонями похлопав,
Работник гаечных промасленных ключей
Вдруг поэтический свой вспоминает опыт.

И в этой шумной круговерти заводской
Три мужика, как будто бы с другой планеты,
Всё не о том: кто сколько выпил в выходной,
А о мирах, где много солнечного света...

И ряд приборов трёх поэтов отражал
И умножал над каской взгляды молодые,
И мастер смены, отхлебнув чай, проворчал:
– Кто б видел нас, сказал бы точно – «голубые».

*Людмиле Чидилян –
по прочтении романа «Лидя в поисках любви».*

Это ли не праздник:
Быть в плену дивана,
Серый вечер скрасить
О любви романом?!

Но читать не просто,
Где все чувства в спину,
За мужскую особь
Стыдно нестерпимо.

Там, где размывает
Подлости границы,
В проруби болтает...
Ветреного принца.

Но к нему спешила,
Пусть и не встречал он,
Сколько ни кормила –
В лес смотрел волчара.

К змеям подколодным
С яствами примчалась.
Вместо «С Новым годом!» –
«Что, Лид, зачесалось?»

Но прощён был сокол,
Падая в могилу.
В прошлом веке лопнул
Тот пузырь из мыла.

О судьбе читаю
Тихого садиста:
Как он, не стреляя,
Рикошетит в близких.

Про любовь читаю.
Вижу – про другое:
Как отца вгоняет
Дочка в гроб любовью...

Виктору Арнауту

Дни бывают, что и захвораю,
Кашляю, болит ли голова,
Книгу, с полки сняв, тогда читаю,
Как Степаныч ездил на Гоа.

И прилив здоровья неизбежен,
Книжечка – спасительный укол.
Там, на Аравийском побережье,
Главная отрада – «шведский стол».
А ещё был ресторан «Фишмаркет»,
Что по-русски – «Рыбный магазин».
Вспомню только – хочется заплакать,
Как желудок мой он соблазнил...
Жареную рыбу – сколько влезет
Поглощаю вилкой и ножом,
Соусы и овощей нарезки –
Сочные да с репчатым лучком!»
А потом ем лобстера, креветки –
Где ещё, когда их буду есть?
Кости вырастают на тарелке,
Превращаясь в гору Эверест.
Никогда не кушал так, с рожденья –
Ни на севере, ни на югах...
Был бы пацаном со мной в сравненьи
Чемпион обжор Гаргантюа!

Я читаю: вот я с чемоданом,
Вот лечу в сибирские снега...
И не знаю: я или Степаныч
До обеда были на Гоа?

Сентябрь, 2017

*Ирме, которая убеждала меня
в том, что она волшебница*

Это был её давнишний план:
– Вы бы так смогли? Нет, не смогли бы
Перевоплотиться в ураган
И разбушеваться на Карибах!

Ирма, по Майами не кружи,
Наших звёзд навалом в этом месте.
На балконе, вон, дельфин дрожит...
– Успокойся, я лечу к Конгрессу!

Накачали черти нам врагов,
В пору, пожалеешь русофобов.
Ураганша – правнучка Марго
Отомстит за Мастера любому.

Вновь накрыты к празднику столы
В нашем славном, добром тёплом доме.
Думаю: как Ирму снять с метлы,
Чтобы с нею выпить за «Притомье»?!

Сентябрь, 2017

Александрю Командину

Ручку мне, бумаги чистой –
Вырвать боль единой фразой,
Где слова, почти как выстрел,
Наповал убьют заразу.

Боль моя – вселенским спазмом
Рвёт брусчатку, танком катит.
Я прошу меня оставить:
Боль моя – мой неприятель.

«Превратись, – её молю я, –
Хоть в печаль, мне будет легче».
Мне ж она: «Не хочешь дулю,
Ты же раб мне, человече».

Задыхаюсь в ненасытной
Её страсти к мордобою.
Даже облако – с копытом
И с рогами – надо мною.

В берега двумя руками
Зацепился, ногти в клочья.
В реку вырвало стихами –
Полегчало, между прочим.

Понимаю вещь простую:
Надо есть перед стаканом.
Суну ложку в пустоту я –
Без любви и без обмана.

«Пластинка должна быть хрипящей, заигранной...»
(Владимир Соколов)

О веке, о том, настоящем,
Не раз ещё скажут деды:
– Пластинка была там хрипящей,
Зачитанной книга до дыр.

Там был на Голгофу неспешный,
Полит потом каждого путь...
Теперь можно просто во флешку
И крест для удобства впихнуть.

И в спешке, до одури странной,
Никчёмным становится труд.
Тома неоткрытых Монбланов
В отвал самосвалы везут.

Рафаэль в нагрузку

Взгляд мадонны особенно грустный
Я узрел под стеклом на бегу,
Рафаэль к «Комсомолке» в нагрузку
Шёл в ларьке нынче по пятаку,

Я к бойнице киоска протиснусь,
Чтобы выплыл пусть на желтизне
Долгожданный такой флорентиец
Из окошечка в руку ко мне.

Как страдающему от удушья,
Облегчающая жизни путь,
Кислородная эта подушка
Даст мне времени передохнуть;

И, купаясь во взгляде бездонном,
От докучливых глянцеv устав,
Обниму фолиант, как мадонна
На груди обнимает Христа.

Странные вкусы

Её, слагавшую стихи в родных пенатах,
Друзья считали все Ахматовой второй.
А здесь... задатки разглядели у таланта
И то, что нужно поработать над строкой.

Её поэмы всех знакомых восхищают,
Ни на какие там размеры не глядят.
– Какие странные здесь вкусы обитают, –
Она промолвила, поспешно уходя.

Мы поем о флибустьерах,
«Мариинской» чокнув звонко,
Прославляя ярким перлом
Под стопарь морских подонков.

Видим с песенкой задорной
Мы себя в разбойных рожках.
Словно вместо триколора
Над страной «веселый Роджер»...

«На флейте лета я играл...»
(Григорий Романов)

Когда дожди хлестали яростно по окнам,
Ты разглядеть меня могла в волне портьер,
Как я бреду по тротуару одинокий –
Тобою гордою, забытый кавалер...

Я шел, фантазий полон в каплях серебристых:
В мечтах готовишь ты мне что-нибудь поесть.
Реально, даже безупречный твой английский
Мне недоступен, как вершина Эверест!

Но я судьбе своей перечу беспощадной,
Бросаюсь в омут озорных лучистых глаз,
И как поет один певец: «Я – то, что надо!»,
Поймешь ты это, если выделишь мне шанс.

Пусть, не похож я на любимого поэта,
Тобой не признанный, одет не от кутюр,
Зато исполнить я могу на флейте лета
Любимой женщине чарующий ноктюрн...

Регулировщик Сергей Лаврентьевич

Не узнать Театральную площадь,
Не узнать и Советский проспект:
Необычный здесь регулировщик
Обустроился нынче в обед.

Не одев полицейскую бляху,
Полосатый не вытащив жезл,
Он машины – руки лёгким взмахом –
Разводил, всем давая проезд.

Наблюдал я, отыскивал тосты,
Чтобы выдать друзьям поскорей
То, как слушается перекрёсток
Рулевого « Кузбасских Огней»!

Мимо тающих снежных ухабов,
И фонтана, что всё ещё спал,
Постовому весёлые свадьбы
Подавали с восторгом сигнал!

*Кемерово, 2016 –
канун дня Защитника Отечества*

Юрию Дубатову

«На конкурсе чтецов – возрастное ограничение»

(Из объявления организаторов поэтического вечера)

Давно живём.
А потому и значит:
Нас даже с порохом
Сухим – не надо в дом!

Вопрос в другом:
– Рубеж чем обозначат?
Колочей проволокой,
Или же столбом?
Мы – старичьё,
И это – несомненно...
Но ты сомнения
Чудесно подавил,

Когда прочёл,
Так ярко, вдохновенно,
Как из обреза
Ты Дантеса завалил!

После дуэли Пушкина с Дантесом

*«Не понимаю, неужели нельзя жалеть одного,
не обрушивая проклятий на другого?»*

(Из письма Софии Карамзиной брату Андрею)

Софи Карамзина писала брату:

«Возможно, Жорж и дурно поступил,
Но если встретишь, будь с ним деликатным,
Своё он наказание получил...

Живёт с женой, которую не любит,
Отец его в России разорён,
И холодность твоя его погубит.
Протянутой руки достоин он...»

Она писала с сожаленьем братцу,
Что скучен стал и пуст её салон,
(Где, потирая руки со злорадством,
Готовился убийственный диплом.)

Всю подлость той трагедии старинной
Не скрыть над Чёрной речкою снегам.
Удары от друзей надёжных в спину
Больней, чем выстрел пришлого врага.

Русские классики – в школах

*«Русские классики выявляли, обвиняли,
бичевали, клеймили ... типичных пред-
ставителей дворянского общества...»
(Из типичного школьного сочинения)*

Они на нас смотрели – бронзовые судьи –
С высоких стен литературных кабинетов...
Я их любил бы, если б знал, что это – люди,
А не усато-бакенбардные портреты.

И всё ж мне верится, ведь будет же когда-то:
Заглянет в класс словесник-фокусник неспешно
И слово даст угрюмым дядькам бородастым –
Под потолком столетье скукой проболевшим.

Он скажет: «Вот, к плечу плечо, два друга, дети, –
Они за ужином поспорили немножко...
И вот, уже Лев Николаевич шлёт Фету
Письмо. А в нём: «Иван мне хочет дать по роже»

А вот и тот – кому балы, как будто яды, –
Графине старенькой шепнёт, и в дверь неслышно.
Голицына всем про Сверчка: «Он где-то рядом...»
А Александр – в экипаж, и – по картишкам!

Иль вот – в пенсне – затворник, доктор и писатель,
Его актриса из Москвы гулять просила...
«Какое, Оля, здесь гулянье – в нашей Ялте?
Куда ни глянешь – лишь одни свиные рыла...»

Салют учителям я б дал из всех орудий –
Хотя б за маленький намёк на пунктик этот:
Что нас учили жизнь любить – сначала – Люди,
Ну, а потом уже – Писатели, Поэты...

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕРНИСАЖ

*«Не стреляйте в пианиста,
он играет, как умеет»*

Чтоб в футбол сильней играть,
Чем Иран и Замбия –
Приглашён был изваять
Сборную дон Фабио.

Скульптор – у кого спроси –
Миром всем проверенный,
А к варягам на Руси
Завсегда доверие.

Закатай-ка рукава
Пиджака Карденова
Папа Карло, изваяй
Буратин поленовых.

Да добро бы из полен
Вырубил он дюжину:
Платини, Жан Пьер Папен, ...
Были б наши Пушкины!

Но скульптура не блестит
Ни в дому, ни за морем...
Просто дали пластилин
В руки вместо мрамора.

Декабрь, 2014

Властелины камерных залов

Когда на спортивной площадке
Не больше шести игроков,
По всем самым скромным раскладкам –
В победу я верить готов.

В хоккейную шайбу я верю
И в мяч – мини–пляжный гандбол,
Нет, нет да победные двери
Над сеткой толкнёт волейбол.

Триумф баскетбольных гигантов,
Случалось, отведывать нам,
Мы там – короли и таланты,
Где место шести игрокам.

Где шестеро – там мы проворны!
И всяк с этим фактом знаком,
Что общего нет разговора –
Одиннадцати за столом.

И будет вновь тренер уволен,
За то, что слились у парней
Границы футбольного поля
С бескрайностью русских полей.

Ювенальщина

Берегитесь взрослые
Ваших сыновей:
Бродит тень Морозова
Павла по стране.

Пострашнее атома
Этот дикий пёс.
В «государстве Дятлова»
Вновь в чести донос.

Вот уже из отчего
Дома мчит сынок
И сырок просроченный
Тащит, как вещдок,

К людям восхитительным –
Психодокторам.
«Заложите родителей» –
Новая игра.

Я не Цезарь, пусть –
Враз два дела вытерплю.
На земле тружусь
С думой о властителях.

Черенок к рукам –
Всё моё оружие.
Выкопать к чертям
Сорняки ненужные!

Вот стою, как пень,
Над пустою ямою.
Выродился хрен,
Будто дом Романовых.

Как же я любил
Корешки ядрёные,
И друзьям тащил
Под стопарь хреновину!

С чем, мой хлеб ржаной,
Встретим «Мариинскую»?
Видно, под землёй
Есть свои кшесинские.

Ну, прощай, мой лист, –
Широченный, гладенький...
Ярый монархист
Я меняю партию.
А жена ворчит:
– С глазними взгляд розовый...
Мой клочок земли
Засадил розами.

Наблюдаю в детсаду

Два мальчика елозят по ковру,
Один с корабликом в руках,
Другой с ракетой.

Два мальчика хотят играть в войну
И время есть у них пока
Вплоть до обеда.

Есть воспитатели, они следят,
Чтобы в момент солдат разнять
Во время ссоры.

Но вдруг увидел я другой «детсад»,
Где пацаны давно шалят,
И без присмотра.

С огнём они затеяли игру
Недетскую и на глазах
У всей планеты...

Два мальчика елозят по ковру.
Один с корабликом в руках,
Другой с ракетой.

Сентябрь, 2017

Очарованный повар

Этим даром был с детства отмечен,
Где с кастрюлей и чашкой играл я.
Замирал, очарован у печки,
Увертюрой шкварчащего сала.

А сейчас я капусту шинкую
В ритме старого доброго танго.
В сковородке морковку шурую,
Как шурует по клавишам Дранга.

Дальше муза приходит на помощь –
По тропе аромата мясного.
Нарезаю узорами овощ,
Под ядрёное русское слово.

Над наваром волнуется крышка,
Чесночок напоследок крошу я.
Голос бархатный с неба услышу:
«Очень вкусно, спасибо, целую!»

От калиток средь белого дня
Причитания, стоны капризные:
«У других – так мужья, как мужья,
У меня, что телок не облизанный!»

Так до вечера и костерит
Гонит к рыбине, что вся из золота.
Но какой же пойдёт к ней старик
На сухую, на трезвую голову?

Ну, а если находка мужик:
В рот ни капли, зато смотрит в сторону,
«Лучше пил бы, – она говорит, –
Бес в ребро, седина ему в бороду!»

Взяв верёвку, на гвоздики стен
Смотрит, лютою ревностью скована,
Признавая, что слаще был хрен
В её жизни, чем редька садовая...

Где же дамы еще так живут?
На каких островах Невезения?
На погосты пьянчужек везут
Лезут в петлю от трезвых изменников?

Улица 40 лет Октября

С рожденья шарады, одна за одной.
Для тайн, видно, нужный здесь климат.
Не только шифруется город родной –
Загадочно улицы имя.

Мой центр вселенной. В нём снова стою,
Взяв в помощь пол-литра с закуской.
Я в тысячный раз свой вопрос задаю:
– Зачем ты звучишь не по-русски?

Казённые эти твои «сорок лет»
Так грубы, и так неприличны.
Хотел тебе песни сложить, хоть куплет –
Так рифмы все косноязычны.

А, впрочем, всё это пустяк, сон ночной.
Со мной Родина не молчала,
Мне город кричал, как зовётся Оно,
Цифру улица называла.

Разные дороги Томских берегов

Мчалась Томь исправно
Без водораздела:
Для одних – направо,
Для других – налево.

Берега – как братья:
Низкий и высокий.
Был один – горбатый,
А другой – пологий.

И кормила мать их
Враз, с двух рук нестрогих:
С правой – пил горбатый,
С левой – пил пологий.

Кажется, преграде –
Никакого шанса.
Для молочных братьев,
Где взять войн гражданских?

Но судьбина-стерва
Рушит переправы...
Так, одним – налево,
А другим – направо...

Эпитафия русскому мату

Он говорил: «Я – чтец и жнец!» –
Умел мой батя выражаться.
На слово «санкции» отец
Придумал рифму бы – «засранцы!»

А дальше, чтобы речь связать,
Шёл оборот ядрёной силы:
Его сейчас нельзя сказать,
Чтобы тебя не посадили.

А этот древний лексикон –
Сродни Калашникова чуду:
С ним поднимался батальон
Хлестать фашистскую паскуду!

Не раз друг другу те слова
В бою кричали с каждой пяди,
Гранату в танк метнув сперва:
«А з...сь пылают, б...ди!»

Убойный мат всегда бронёй
Нам был... А ныне её сняли –
Как будто вновь перед войной –
Весь комсостав наш расстреляли.

Не устанет россам,
Сняв с заморских плеч,
Присылать обноски
Импортная речь.

И, как бы с оттяжкой,
В ухо бьёт, в висок –
С заграничной пряжкой
Яркий ремешок.

Фразам русским, стойким –
Гости не во вред,
Если по дешёвке
Этот «секонд-хенд»

«Он – для молодёжи», –
Проскрипит старик.
Но натянуть можно
Что-то на язык.

Буковку подштопав,
Выйду с ним во двор...
(Я – о слове «шоппинг»),
Митинг – перебор.

Любимому актёру

Он для меня был мудрым аксакалом –
Со школьной парты и до седины.
А кто его, скажите, не желали?
Таких нет женщин у моей страны.

Сейчас, куда ни кинь, – одни лишь «звёзды»,
Но он звездою не картонной был,
Не без успеха клеил Донну Розу,
«Неуловимых мстителей» ловил!

И были у него лишь пара «ляпов»:
Когда мой старец шибко постарел,
Когда в кино Шарапова прошляпил,
А в жизни... Мату Хари проглядел.

Октябрь, 2017

Абдулову, Янковскому, Ярмольнику

Они гуляли, может быть, по Карл-Маркс-штадт –
Три русских парня, но не это было главным,
А то, что с мылом оттирала там асфальт
Светловолосая улыбчивая фрау.

Хотя и приняли ребята по сто грамм
Эрзаца-водки для веселия, как будто,
Но невыносимо тошно стало вдруг друзьям
От чистоты такой враждебно – неудобной.

Один воскликнул: «К берегам хочу родным...» –
«Что, плюнуть некуда?» – другой спросил уныло,
Товарищ третий, мрачно бросил им:
«В концлагерях ещё варилось это мыло...»

Вертолётчику Андрею

Душой компании он был у винтокрылых
За добрый нрав и за весёлый анекдот.
Она его в одежде лётной полюбила,
Дала в «гражданке» откровенный отворот.

И, словно винт остановился раньше срока,
Была причина анекдотов всех смешней,
Как приговор звучал под взглядом с поволокой:
– Ты очень плохо одеваешься, Андрей.

И он, на зеркало взглянув в её прихожке,
Считал, что знает, чем он ценится у дам...
А эта женщина – встречала по одежке.
И...проводжала – точно также по штанам.

И он за облаком найдёт другую дверцу,
Она пройдёт дорогою семейных бурь,
И, одинокое, однажды вспомнит сердце,
Неупакованного в вещи от кутюр.

Ожившее письмо 44-го года

Братьям Кармановым

Пётр, словно на уборке,
Где страда у ленинградцев...
Писем ждёт с командировки
Угловая, 115.

Прилетит конверт со штампом,
Сыновьям доверит тайну,
Как «работает» их папа
В бронированном «комбайне».

Штурмовик «Ил-2» – в полёте –
Это танк крылатый, верьте!
Фриц не зря его на фронте
Называет «Чёрной смертью»!

«...Нынче вёз чуть выше леса
Полторы тыщ пуль я – гадам!
И четыре ЭрээСа,
Около трёхсот снарядов!

Два десятка гансов грешных
Покрошил, поджёт два танка –
Так «работает» отец ваш –
Командир звена Карманов!»

А потом в боях суровых
Будет прорвана блокада...
Вместо письменного слова –
Выписка военкомата...

Только письма жить остались,
Где их папа мчит сражаться...
Будет лётчика ждать адрес:
«Угловая, 115...»

Кривизну осознав, как-то в муках,
Я лица своего, – попросил
У трюмо извинений за буквы,
Что годами на нём я чертил.

Завертелся меж клиник пластинкой,
Всё на выправку рожи отдав!
Мне твердили везде: что овчинка
На прядок дешевле труда.

Обзывали всё «жертвой стакана»,
Озирая мой профиль и фас...
Мол, спасёт технология «нано»...
Но таких нет финансов у нас.

Поглядел после дождика в лужу
И решил: ничего не менять!
Зеркала – для того ведь и служат,
Чтоб на них нам, убогим, пенять...

РАССКАЗЫ. ОЧЕРКИ. ЗАРИСОВКИ.

Охотник за удивлёнными взглядами

Самолёт набрал высоту и, с облегчением вздохнув, заработал в своём привычном режиме. Облегчённо вздохнула и она, и этим самым вздохом развязала ему руки, которые держали подарок для неё уже вторые сутки.

Их маленькая дочка мирно посапывала курносым носиком, отвернувшись от круглого оконца, успевшего надоесть скучными кучевыми облаками, плывшими за ним. А размеренный гул самолёта только разогревал её сон.

Он понял, что настал именно тот момент, будто созданный специально для подношения подарков. Бусы, которые он купил в приморском магазинчике, ничем особенно не отличались, и, будь он один, то, наверное, прошёл бы мимо, даже и не взглянув на нитку со стекляшками.

Но рядом с ним была она, и в каждой бусинке отразился её восхищённый взгляд, который тот же час потух, потому что на деньги, что стоили бусы, можно было купить что-то из одежды для дочки. Мгновение, и она, увлекаемая толпой, была уже у другого прилавка и что-то с интересом рассматривала.

Он же, напротив, даже не сдвинулся с места. Бумажные деньги, которые, случилось, выпирали из его карманов, всегда мешали ему жить. На этот раз их было там совсем немного. Всего-то четырнадцать рублей. Но это была как раз та сумма, которую стоили эти простенькие бусы-камушки и, казалось, всё ещё сохранявшие отпечатки улыбки жены. Спрятав украдкой купленные бусы в карман, он стал отыскивать в толпе её зелёное пальто.

По дороге домой они почему-то больше молчали. Каждый был погружён в свои мысли. А мысли их сильно рознились. Был день отъезда.

Она думала о том, как упаковать в чемоданы вещи, которые почему-то всегда в них не входят, чем их связать, как их нести; во что одеть дочку и мужа. Что надеть самой? И придет ли вовремя машина для поездки в аэропорт? И будет ли лётная погода?

А он думал о том, когда же удобнее всего можно подарить ей то, что лежало теперь у него в кармане. Иной раз, при ходьбе, ему чудилось, что камушки издавали едва заметный звук, и тогда он рукой придерживал их, озираясь по сторонам.

А когда, уже дома, они упаковывали чемоданы, то делал это он чисто машинально. Иногда ловил в зеркале отражение своей блаженной улыбки, спешно надевая на лицо маску невозмутимости. «Нет, пока ещё не время для подарка», – думал он.

Потом была дорога в аэропорт. И опять он чувствовал, что не подоспело ещё то желанное время. И вместе с тем его не покидал вопрос: «А когда же, когда?»

Наконец-то они поднялись в воздух. А он всё выжидал момент, боясь не уловить его. Пока не уснула она вслед за дочкой.

Ведь он, охотник за удивлёнными взглядами, никак не мог быть удовлетворённым простым вручением подарка. Ему непременно нужна была почва для этого. И та самая благоприятная почва оказалась здесь, на десятикилометровой высоте, меж густых облаков! Казалось, что всё здесь дышит невесомостью...

Потом вдруг он переключился на другой вопрос самому себе: всё ли она купила для поездки, что хотела? И выходило, что, увы, далеко не всё. И это «не всё» в его кармане сейчас не лежало. И каким же нелепым и жалким он показался вдруг себе самому со своими стекляшками-

камушками, жалобно звякнувшими в кармане его старых и поношенных брюк...

Но, вот оно – чудо! Она, очнувшись ото сна, вдруг почему-то сказала ему, что как, должно быть, совсем неплохо смотрелись на ней бусы, которые она видела недавно в магазинчике...

И он, как настоящий и ловкий волшебник, делает одной рукой отвлекающий маневр в сторону иллюминатора, и в этот же момент другая рука надевает на жену подарок. Очень аккуратно и почти незаметно.

Он интригуяще щёлкает пальцами. Она опускает свои глаза, удивлённо смотрит на появившиеся бусы, потом переводит взгляд на него. Так смотрят на волшебников или на тех, в кого влюблены. Взгляд этот длится всего мгновение. Но не ради ли такого вот мгновения и стоит жить?!

С сознанием удачно выполненного дела, он блаженно откидывается на спинку кресла и, закрыв глаза, проваливается в сон под мерный гул летящего самолёта до самой посадки.

И казалось ему, что в этом заключена целая вечность. И этой-то вечности-мгновения было достаточно, чтобы сделать короткую передышку охотнику за удивлёнными взглядами...

Девяностые годы прошлого столетия

Творческий отчёт

«Ты что, с паровоза упал?»

(Михал Саныч – учитель математики – ученику, не способному решить алгебраическое уравнение)

Именно этот творческий отчёт положил конец моим «падениям с паровоза». А получилось всё так.

Наш выпускной класс должен был отчитываться. И при том не абы как, а творчески. Уж что-что, а «творить» наш класс умел! Там, где артист на артисте сидит и артистом же погоняет – сам Бог велел отчитаться! Тем более, что в отчёте стояла военная тема. А мы все на ней выросли.

Нанятый для этой цели баянист, мужественно не пил до самой генеральной репетиции. И трудное его ремесло предполагало уход музыканта со сцены в самый неподходящий момент...

Припоминаю, ещё в пятом классе, был у нас Коля Логинов. Взял он этак эффектно баян у учителя пения и заиграл лучше его. Учился и я играть на баяне у друга моего Кольки, но понимал, что также, как у него, у меня не получится.

...И вот, приходится нам менять отрепетированную «тональность»: поём, пляшем, танцуем. Гимнастёрки на парнях сидят, как влитые. Медали, ордена позвякивают на груди, так что аж сердце заходится от щемящей радости и волнения. В образы входим!

И уже «бьётся в тесной печурке огонь», и «тёмная ночь». И разудалые пляски возле костра, и тоска по Родине, и провожающая девушка – в «синем платочке», и «Катюша», выходящая на берег крутой...

И уже поневоле начинаешь верить, будто бы ты сам прошёл теми самыми дорогами, где пыль да туман, да бурьян степной. И «куда теперь идти солдату, кому нести печаль свою?»

А идти теперь «солдату» пришлось в наш спортивный зал. И именно туда теперь понёс свою радость, а не печаль наш 10«Д» класс. И бутылка «горькая» нас там ждала. И в тот вечер – она – везде так гармонично выглядела: и между брусьями, и под баскетбольной корзиной, и на матах, особенно на матах. Тёплая, правда, была. И закуски тоже мало. Но кого это волновало? Короче, мы «отстрелялись», и отстрелялись, надо сказать, весьма неплохо!

А наутро была математика. И тогда я впервые не «упал с паровоза». Впервые за два года я получил по математике четвёрку. Конечно же, я понимал, что эта моя четвёрка была не за синус и косинус, и не за тангенс с котангенсом, а что именно за «тёмную ночь» мне и накинул лишний балл наш фронтовик Михал Саныч. Именно за «землянку» он в тот раз «не уронил меня с паровоза», как бывало обычно. И за «Эх, дороги...» не постучал он костяшками своих пальцев о стол, намекая на мою математическую тупость...

Вот с этого-то самого урока я и решил взяться всерьёз за математику.

Правда, частые прежние «падения с паровоза» порядком давали знать о себе. А до настоящего выпускного экзамена оставался всего один месяц...

Июнь 2013 г.

Заяц

Серёга в первом классе единственный раз пришёл в школу в заячьей шубе. Уже на другой день он её навсегда снял. А кличка осталась на всю жизнь.

Слово «штрейкбрехер» я впервые услышал от Зайца. Впереди был урок русского языка. Все эти деепричастные обороты никогда не грели меня. И на Серёгин призыв «А не пойти ли нам в кино?», я откликнулся, как никто другой.

Побег с урока – что может быть заманчивей и прекраснее, когда ты не один, а вместе с тобой почти весь класс! Я говорю «почти весь класс» потому, что пятеро из нас всё же остались проходить синтаксис. Для них он оказался важнее и интереснее, чем «Волшебная лампа Аладдина».

Выходя из класса в коридор последним, я всё смотрел на этих пятерых, как на умалишённых. Я отказывался верить свои глазам, впервые столкнувшись с людьми, сделавшими свой выбор не в пользу кино – этого чуда, перед которым меркнет любая наука...

И когда мы, возбуждённые, возвращались, заходили в кабинет русского языка без малейшего угрызения совести, вот тогда-то Серёга и произнёс незнакомое слово «штрейкбрехеры». Впрочем, как всегда, слегка и приятно картавя. Тогда я не понимал значения этого слова. И ещё долгое время оно ассоциировалось у меня с людьми, не любящими кино. И когда я звал свою маленькую сестрёнку в кино, а она отказывалась, ядовито шипел на неё: «У, штрейкбрехерша...», стараясь и произносить это слово именно по-зайцевски.

Произносить по-зайцевски, обвести в футбол по-зайцевски, решить задачку по-зайцевски – всё это было для меня знаком качества. Серёга Заяц тогда был авторитетом непререкаемым.

А впервые я увидел его в деле, когда сборная по футболу моей улицы пыталась противостоять команде, где играл этот парень. Рука в гипсе (хоть и не божественная рука Марадоны) нисколько не мешала ему проводить мяч от ворот до ворот без особых помех. Да так, словно и на поле и не было никаких соперников!

– Кто этот инвалид? – спрашивали меня мои друзья, до этого гонявшие только двухцветный резиновый мячик.

– Да это же – Заяц, – говорил я им о Серёге, как о своём приятеле. – Я учусь с ним в одном классе, – добавлял, не скрывая своей гордости.

И всей своей интонацией я давал понять им: кто они, и кто мы с Зайцем.

Помню, на каком-то уроке речь зашла о бурлаках. Тогда Заяц бросил в их адрес какую-то скептическую реплику. На это учительница сказала:

– Серёжа, как ты можешь говорить такое об угнетённых людях?

А он ответил ей:

– За сезон бурлаки зарабатывали хорошие деньги, на которые можно было купить и лошадь, и корову, и не таскать больше баржи по Волге. Но они ведь всё пропивали в кабаках...

Учительница была старше моего одноклассника лет на тридцать, а мне тогда казалось, что это Серёга старше её на целую жизнь.

Было это почти полвека назад.

А совсем недавно, уже изрядно поседевший и поредевший наш класс, встретившись ласковым июнем, вдруг чудодейственно помолодел на полстолетия. А всё потому, что вновь отведал не только непревзойдённого юмора, но и изумительного шашлычка, приготовленного моим одноклассником – ныне большим руководителем, Серёгой, по кличке Заяц.

Толян

Корчагин – эту фамилию впервые я услышал от Толяна. И как же смачно он рассказывал о Павке! Ещё смачнее рисовал его: мороз в сорок градусов, узкоколейку, дыру в Павкином сапоге... Да так, что и у меня начинала мёрзнуть нога под партой. «Волшебная сила искусства», – говорят в таких случаях знающие люди.

А я приходил домой и читал это «искусство» у Николай Островского. И понимал, что этому Островскому надо было поучиться у моего друга Толяна рисовать героические картины.

«А смены не будет», – заканчивал он свой рассказ к концу урока. И на всегдашние его озорные глаза накатывалась слеза. А пацану-то – всего одиннадцать лет.

Это уже потом в армии, он тушил ракетную установку, грозящую взорваться. И газета «Красная звезда» писала о нём, как когда-то писал о Павке Корчагине Николай Островский...

А на другой день, опять на первом уроке, уже я рассказывал другу о последнем из могикан. Но до звонка на тот раз мы с Толяном не дотянули. Выдернутые из-за парты директором – этим «Большим Змеем», который вёл историю, – мы скатились по лестнице на первый этаж, прямо к нему в кабинет, как последние гуруны (плохие индейцы), получая по головам нашими же папками. Хорошо, что тогда в моде были папки, а не портфели. И наши усталые матери, как могли, отбивались от двухметрового историка-директора.

И если в этот день мы сами себя лишили знаний о развитии капиталистических стран в эпоху империализма, то на другой день была вполне объективная причина. Новая тема «Война за независимость английских колоний» прошла мимо половины класса, по крайней мере – «силь-

ной его половины». Перед началом урока прозвучал приказ директора:

– Так. Девочки – в кабинет истории. Мальчики – в кочегарку. Лопаты найдёте рядом с углём.

Потом, уже в другой школе, учительница истории, которую мы все звали Баба Настя, удивляясь провалам наших знаний, восклицала:

– Да ведь вы же должны были это пройти ещё в восьмом классе!

На что один из нас, и, конечно же, это был Толян, хитро отвечал:

– Спрашивайте у девочек. Они это проходили...

– А что же мальчики? – удивлялась учительница.

– А мальчики в это время уголь грузили...

Недоумение всё равно не сходило с лица интеллигентной пожилой женщины. Интересно, о чём она тогда думала? Может быть, об эксплуатации детского труда в эпоху развитого социализма?

Одно мгновение июня

Галине Корогод –

учителю, поэту, кулинару

Тополиный пух, лениво кружась, мягко опускался на площадь Пушкина. Он ложился на самого бронзового Поэта, на головы чтецов, которые, как всегда, в этот чудесный июньский день, окружив Александра Сергеевича, делились друг с другом стихами – и своими, и вечными негленными строками именинника.

На этом празднике Она сидела на лавочке, с палочкой рядом и с сумкой, из которой вырывался аромат её замечательных пирожков. Улыбаясь, Она наблюдала, как её друзья по «Притомью» один за другим выходили к «свободному микрофону». Собраться с силами и примкнуть к собратьям по перу – дело недолгое. Но она приберегала эти силы на дорогу в ЦДЛК, чтобы там любимцы Евтерпы и Эраты смогли отведать завёрнутое в несколько слоёв материи лакомство. А для этого Ей нужно было встать и, несмотря на выступления, находившиеся ещё едва ли не в самом разгаре, начинать эту долгую дорогу по Советскому проспекту.

Я, разрываясь между тем, чтобы ещё остаться и послушать стихи гостей, и тем, чтобы догнать нашу кормилицу, принял решение: поспешить и предложить Ей свою помощь.

Ассоциации, как всегда, своей назойливостью доставали меня.

Почему-то неожиданно мне припомнился Штирлиц, переправлявший пастора Шлага через границу. И уже во мне внутренне зазвучал закадровый голос Капеляна: «И тут только он подумал, а ведь пастор совсем не умеет ходить на лыжах. Ну, ничего, дойдёт, тут недалеко...»

Я себя не успокаивал, догоняя свою старшую подругу и забирая у неё из рук ещё тёплый пакет.

– Ты знаешь, а я всё-таки съезжу в Париж! – произнесла Галина Васильевна, с облегчением вздохнув. – Французский вот изучаю, – улыбнувшись, добавила она, озорно глянув на меня, словно ожидая увидеть в моих глазах сомнение.

Только его, сомнения, не было и в помине. Я уже испытывал азарт. Я сам уже загорелся этой её идеей. И вот уже думал о том, как управлюсь с огородом, как за год скоплю нужную сумму на поездку, как поеду и увижу этот великий город. Но не умру. А останусь жить, потому, что об этой поездке нужно будет рассказать всем обделённым, которые не увидели ни Елисейских полей, ни Монмартра, ни Эйфелевой башни, не посетили Лувр...

А моя собеседница, опираясь на палочку, продолжала делиться планами, и мне нестерпимо хотелось, чтобы они непременно осуществились.

И вновь ассоциации. Штирлиц с пастором едут в машине. А из радиоприёмника несётся голос непревзойдённой Эдип Пиаф: «Падам, падам, падам...»

6 июня 2014 г.

Свет в окне

«В целом форум писателей Кузбасса обнажил ряд насущных проблем литературного сообщества Кемеровской области и наметил пути их решения»

*(«Огни Кузбасса», №4, 2015,
«Литературная хроника»)*

Женщины сидели за моей спиной и оживлённо обсуждали длину волос и бороды у Дмитрия, находившегося в президиуме. Известное выражение с революционных лет: «Каждая кухарка должна управлять и государством», – стало вдруг необычайно понятным, осязаемым, обрело ярко выраженные контуры, потому что весь этот анализ доносил до моего слуха жаркое, неравнодушное дыхание.

Рядом с писательницами время от времени ворчал угрюмого вида недовольный мужчина, вставляющий в диалог двух дам свои ядовитые реплики, совершенно далёкие от темы разговора, на что немедленно получал строгие замечания: «Сейчас же прекрати, нужно быть хоть чуточку добрее к людям». Угрюмый на время замолкал.

А выглядело всё это как-то по-семейному, по-домашнему, что мне подумалось: «Люди из одной студии, но не из нашего города».

И как же стало радостно и светло от того, что я и Лена, сидевшая рядом со мною, не переходили на личности, а разговаривали сугубо о стихах, пусть и несовершенных. И до чего же выгодно мы отличались от приезжих. Волну недовольства уравнивала моя соратница по перу. Она оказалась для меня тем самым светом в окне, который согрел справа.

Впрочем, слева находилось само окно, которое освещало не только нас с Еленой, но и симпатичную пару впереди. А спереди сидели Он и Она, для которых, казалось, никого и не существовало вокруг. И этот форум проводился только для них двоих...

Сентябрь, 2015.

Футбол с большой буквы

«Да, были люди в наше время...»

(М. Лермонтов)

Этот день был похож на 23 февраля. Точно такое же приподнятое настроение с самого утра у нас, у мужиков. Только подарки нам дарили не женщины, а футбол.

После рабочей смены мы всей бригадой ехали на футбол.

Слово-то какое – футбол! И когда его произносишь, с тобой будто что-то происходит: начинаешь волноваться, и... вдруг успокаиваешься. А в целом же – сплошная гармония всех твоих клеток. Короче, целебное слово.

И уже с самого утра в шумных промасленных мастерских начинает пахнуть изумрудным газоном стадиона, и принимается рождаться предполагаемый счёт. Естественно, в нашу пользу. Но мы все поголовно суеверны, а потому то и дело стучим костяшками пальцев по редким в нашей слесарке деревяшкам.

Сегодня у нас праздник!

И даже сам автобус Львовского автозавода, кажется, заражается нашим предвкушением и несётся к стадиону быстрее обычного.

Рублёвый билет в кассе, парочка горячих беляшей, запотевшая бутылочка «Жигулёвского» и, наконец, долгожданная скамейка на восточной трибуне. И – вот он праздник, по имени Футбол! Ни одного безучастного лица.

Пока рассаживаются соседи, люблюсь из-под ладошки на ладную игру пацанов из детской спортивной школы. Иногда с лёгкой завистью смотрю на противоположную трибуну, которую не ослепляет вечернее солнце. Но, поёжившись, понимаю, что у нас теплее, да ещё и с пахучим горячим беляшом.

Праздник – ведь это очень даже неплохо!

Кажется, что проходит всего каких-то пара минут, а трибуны уже забиты полностью, до отказа. А ещё – люди на крышах соседних домов, чернеют, словно стаи воронья. Перевёл свой взгляд на поле, там уже разминаются футболисты. Приезжие сегодняшние соперники и наши. У наших знакомы не только лица, но даже и походка, перепасовка, удары по мячу.

Соперников ещё не знаем в игре. Но «спартаковцы»-москвичи тоже разминаются, по мячу ногой попадают.

И вот – уже разносится наш любимый бравурный футбольный марш!

Наши ворота справа, а, стало быть, пока за нас и заходящее солнце.

Раздаётся свисток главного арбитра матча. С центра поля разыграны первые удары-пасы по мячу. И уже обо всём одновременно забывают двадцать тысяч человек-болельщиков. Превратившись в единый организм, стадион напоминает огромного хищного зверя. И если с внешней стороны покой: скучающие лотошники, дремлющие автобусы и тишина – это значит, что борьба ведётся у наших ворот.

Но вдруг стадион-зверь оживает. Его голос всё громче и громче. И, наконец, окрестности тонут в его восторженном, оглушительном рыке! И тогда дремлющие шофёры автобусов отрывают свои головы от баранок. А это значит одно: счёт открыт!

И открыл его наш самый великий футболист «всех времён и народов» – Виталий Раздаев! Бригадир – как его с уважением называют все наши мужики-болельщики «Кузбасса». Иногда он доводит нас до белого каления своей выдержкой и спокойствием. Но вот молниеносным рывком он оставляет своих опекунов за спиной и бьёт мимо пани-

кующего вратаря. И мячу, кроме как в ворота, деваться больше некуда!

Так начинается коваться победа.

«Кузбасс» показывает шахтёрский характер», – говорит в комментаторской кабине Валерий Францев.

Во втором тайме болельщикам на стадионе и телезрителям повезёт ещё больше, потому что сегодня в ударе Николай Коковихин. А на Колю надо смотреть, потому что это надо видеть! На нём спорт превращается в искусство. Получив пас, Николай начинает выделывать с мячом причудливые узоры, давая игрокам своей команды хотя бы секундные, но передышки. Щупленький Коля роняет одного за другим соперников, которые с суровыми лицами поднимаются, чтобы снова упасть. И что интересного: Николай сразу показывает, в какую сторону двинется с мячом – и рукой, и голосом. Правда, перед этим, как бы немного поколебавшись в неуверенности. И стадион снова и снова, в двадцать тысяч глоток, начинал отсчёт: один, два, три, четыре, пять... И Коля прислушивался к командам болельщиков с трибун, своими финтами облапошивая одного за другим соперников. Я помню, иногда счёт доходил и до семи. Тогда Николай либо отдавал мяч своим, либо уже его беспардонно валили на газон. В такие моменты уставал хохотать даже стадион. Игра продолжалась... Нужно было непременно забивать голы. Ведь большинство и приходило подивиться именно на голы! И я в том числе, в основном – из-за таких вот «эстрадно-цирковых номеров», которые дарил Коля Коковихин.

В своей жизни я видел ещё двух кудесников мяча: по телевизору – бразильца Гарринчу, и в детстве – одноклассника Серёгу, по кличке Заяц.

На трибунах царила тишина, когда шла вязкая игра в середине поля. Но вот стадион оживал, начиналось скан-

дирование: «Паша! Паша! Паша!» Это – уже Пашковский превращал футбол в баскетбол! Разбегаясь, и внезапно остановившись, не отрывая ног от поля, Пашковский бросал мяч через голову, из-за боковой линии в сторону ворот противника. Да с такой силой, будто пинал! Случалось, Паша закидывал мяч прямо в сетку, мимо ошалевшего вратаря. Это был его коронный номер, тоже сродни эстрадно-му. И даже ради одного этого, зрелищных Пашиных бросков мяча, люди приходили на стадион!

А на следующее утро мы с нетерпением шли на работу, чтобы на смене смаковать с друзьями удивительные моменты вчерашнего вечера. Потому, что вчера был настоящий подарок, впечатлений от которого хватит на всю оставшуюся жизнь каждому счастливцу-болельщику «Кузбасса»:

«КУЗБАСС» – «СПАРТАК» – 4 : 0 !!!

«Какая боль, какая боль...» Этот рефрен песенки группы «Чайф» мог вполне быть адресован тому самому незабываемому матчу между кемеровским «Кузбассом» и московским «Спартаком». «Боль» эта, разумеется, была тогда для москвичей. (Кстати и в ответном матче в Москве, наш «Кузбасс» в тот год выиграл со счётом 2:1!)

А тогда, в Кемерове, после четвёртого забитого гола в ворота «Спартака» наши мужики-болельщики орали Евгению Ловчеву – будущему капитану сборной СССР: «Женя! Видишь, как надо играть! Переходи в «Кузбасс»!»

Припоминаю, какой-то спортивный деятель из центральной прессы написал: «Долго ещё будут помнить кемеровцы свою победу». Да не *кемеровцы*, а кемеровчане! Это мы сегодня в футболе *кемеровцы*, а тогда, в семидесятых, для всех мы были *Кемеровчане*! Да не просто, а с самой большой буквой!

Октябрь, 2006 г.

Заботой матери храним...

*Всегда заботой матери храним,
От колыбельных дней и до конца
Взрослеет сын, и борется, и дышит!
Так почему за именем своим
Он пишет имя гордого отца,
А имя доброй матери не пишет?
(Николай Рубцов)*

– Столько писал об отце, – говорит мне старый друг, – а что же ты о матери не найдёшь слов?

Да в том-то и дело, чтобы найти нужные слова о самом близком с пелёнок человеке... Эти слова должны быть другого уровня, многократно превышающие обыденную, будничную речь. В этих четырёх буквах «МАМА» – всё сказано и одновременно – ничего.

Об отце пишется потому, что мужчина – до старости своей остаётся ребёнком. А это – нескончаемые приключения, потому что взрослость, если и достигается, то слишком поздно. А женщина, даже маленькой девочкой, уже ощущает себя воспитательницей мужчин.

В детском саду, в котором работаю сторожем, я наблюдаю, как эти прекрасные крохотные феи уже смотрят свысока на своих сверстников в коротеньких штанишках. Строгость, укоризна, моментальная готовность поправить непослушного мальчика – всё это уже есть в девочкином взгляде. А главное – материнство уже в этих маленьких, ещё слабеньких, ладошках, в этих пальчиках, на которые надеты разноцветные игрушечные колечки.

Материнство живёт в их волосах, распущенных во время праздников и водопадом струящихся по бальному платью. Материнство живёт в плавном танце, в грациозном повороте маленькой головки – головке, в которой уже

зародилась забота, пока ещё неосознанная, о домашнем очаге.

Насколько легко писать о странствующем Одиссее, поскольку все его деяния, как на ладони. И насколько трудно – о Пенелопе, все переживания которой находятся внутри неё.

Снегурочка с дедом Морозом, приносящие подарки и водящие хороводы вокруг новогодней ёлки – что и говорить, – чудесные существа. Что можно о них написать? Им можно ещё улыбнуться с благодарностью. Но как же загораются у ребятишек глаза, когда появляется какая-нибудь нечисть в виде бабы Яги или старухи Шапокляк, которые крадут подарки из-под ёлки.

Характерные герои нужны и писателям.

Таков был и мой отец, чью гармонь и проделки знала вся наша улица. А мама стояла у корыта и стирала, поправляя тыльной стороной ладони упавшую прядку волос.

*Дай мне, матушка, одеться –
Я опаздываю в класс!*

Так и я мог сказать, перефразируя поэта, писавшего о своём дядьке Никите Козлове.

Моя мама – младшая в своей семье. Росла она самой доброй, ласковой и отзывчивой. Любимица отца, она жалела своего тятю. «Жалеть» – это слово было намного наполненней и ёмче слова «любить».

Когда я бабушку спрашивал о деде: «Баб, а ты его любила?», она сначала не понимала, о чём это я. Но, немножко подумав, она произносила: «Я его жалела». И, жалеючи, запрягала она в девятнадцатом году коня и ехала за своим молодым мужем в Томск, где он в тифозном бараке, призванный ещё при царе, тихо умирал.

«Погоняю я Сивку, – рассказывала она, – а по дорогам скачут то белые, то красные, то чехи... А мне тогда и девятнадцати ещё не было».

Жалела и учила потом этому чувству и свою дочь, мою маму, которая чужую боль ощущала как свою. А когда, ещё в начальных классах, одной девочке объявили бойкот, мама стала её лучшей подругой.

Проводив на фронт брата, горевала она чаще всех родных, особенно, когда долго не было треугольника с войны. Жалела, провожая позднее, и своего сына, то есть меня, в армию. И также бежала за вагоном, сдёрнув с головы платок, рвалась за поездом, хотя «горячие» точки тогда ещё только нагревались.

Жалела после, сидя у телевизора, захваченных заложников «Норд-Оста». Находясь трое суток перед экраном, мама, вместе с несчастными в Москве, точно также страдала, будто сама была под дулами автоматов. И точно также, после штурма, «скорая помощь» отвезла её в больницу. Потому что инсульт – это нисколько не легче, чем отравляющий газ или пули.

Мама моя всех всегда жалела. И теперь я жалею, что мало говорил ей добрых слов при жизни...

Голубой конвертик

Ура! Я – дипломант!

Канун Нового года, и лучшего подарка к сказочному празднику нельзя и придумать, чем звание лауреата литературного конкурса.

Рамочка со значимыми словами внутри украшает теперь стену моей комнаты. Вошедшая внучка, второклассница Арина, примеряет рядом свой диплом об отличном окончании полугодия, вынимая из конверта премию от Губернатора. И когда «лауреатство» моей малышки оказывается размером побольше, я парирую это своим голубым конвертом, в котором материальная награда, хоть и не много, но превышает сумму круглой отличницы.

Вот так мы и резвимся. Малый и старый. А если честно, то эта игра, как ни крути, всегда в одни ворота. Потому, что я – дипломант впервые на рубеже шестого десятка лет, в то время, как стены внучкиной комнаты чуть ли не с ясельного возраста украшают разные дипломы. Но от этого я ещё острее испытываю радость от запоздалой оценки моих заслуг.

А самое главное: я сижу за одним праздничным столом с такими замечательными людьми, с которыми в обычной жизни сроду не довелось бы встретиться. А это – и есть, как мне кажется, основная награда, которую нельзя измерить купюрами или повесить на стенку. Эту награду можно только ощущать, находясь в кругу удивительной компании, где люди понимают тебя с полуслова, а ты, затаив дыхание, ловишь каждую мысль сидящих рядом.

Собравшись по перу будут произносить великолепные тосты, читать волнующие сердце стихи. Аплодировать друг другу. И ты будешь понимать, что не всё ещё потеряно на этой земле, и разговоры о том, что мир проваливается в тартарары, яйца выеденного не стоят...

Проснётся, как всегда, добрая моя память, и я вновь пробормочу так восхитившие конкурсную комиссию слова...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Виктор Арнаутков. От составителя</i>	3
ДАЙ БОГ ПАМЯТИ...	7
«А я на пенсии. Она во всём похожа...»	7
«Как в детстве бежали ребята...»	8
<i>Юрию Дубатову. «Он развернул пакетик...»</i>	9
«Дай Бог памяти: я как-то раз...»	10
Реплика провинциала	11
« <i>По поручению губернатора...</i> »	12
Каникулы	13
«Совет от взрослых помнится один...»	14
«Помню, в школе текли бесконечно...»	15
Для тех, кому за...	16
Вечный почтальон	17
Ко Дню Победы	19
КАРТИНКИ НОВОСТНЫЕ	20
«Картинки новостные...»	20
Нагло-саксы	21
Утомление Трампом	22
Совсем другое кино	23
Возвращение Амана Тулеева	24
<i>Н. Берберовой. «Её сердце память тревожит...»</i>	25
О самом себе	26
«Браки заключали...»	27
«Мелодичный звонок...»	28
Дед и Обама из барака	29
<i>Ксении Собчак. «В словах Шнура не стоит сомневаться...»</i>	30
Юность претендентки	31
Новая поговорка	32
Богатые тоже плачут, или Ещё раз о заграничных новостях, в которых я, якобы, нуждаюсь	33
ГЛАДИАТОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ	34
«Вся моя доктрина терпит крах...»	34
<i>Борису Устинову. «С авторитетом не считаюсь...»</i>	35

Волшебная лампа Димы	36
«Звёзды капали, как слёзы...»	37
Сильвио в юбке или «Выстрел-2»	38
А.С. Пушкину. «Блаженство: являться...»	39
«Сняв знакомый томик с полки...»	40
Режиссёры и актёры царских спектаклей	41
«Он взял анализ у супруги...»	43
К 200-летию Ивана Сергеевича Тургенева	44
Недостроенный дом	45
«Я знал в поэзии примеры...»	46
«Завод на небо сквозь трубу опять чихал...»	47
Людмиле Чидилиян. «Это ли не праздник...»	48
Виктору Арнаутову. «Дни бывают, что и захвораю...»	50
Ирме. «Это был её давнишний план...»	51
Александрю Командину. «Ручку мне, бумаги чистой...»	52
«О веке, о том, настоящем...»	53
Рафаэль в нагрузку	54
Странные вкусы	55
«Мы поем о флибустьерах...»	56
«Когда дожди хлестали яростно по окнам...»	57
Регулировщик Сергей Лаврентьевич	58
Юрию Дубатову. «Давно живём...»	59
После дуэли Пушкина с Дантесом	60
Русские классики – в школах	61
ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕРНИСАЖ	62
«Чтоб в футбол сильнее играть...»	62
Властелины камерных залов	63
Ювенальщина	64
«Я не Цезарь, пусть...»	65
Наблюдаю в детсаду	66
Очарованный повар	67
«От калиток средь белого дня...»	68
Улица 40 лет Октября	69
Разные дороги Томских берегов	70
Эпитафия русскому мату	71

«Не устанет россам...».....	72
<i>Любимому актеру.</i> «Он для меня был мудрым аксакалом...» .	73
«Они гуляли, может быть, по Карл-Маркс-штадт...»	74
<i>Вертолётчику Андрею.</i> «Душой компании он был у винтокрылых...»	75
Ожившее письмо 44-го года	76
«Кривизну осознав, как-то в муках...»	77
РАССКАЗЫ. ОЧЕРКИ. ЗАРИСОВКИ.	78
Охотник за удивлёнными взглядами	78
Творческий отчёт	81
Заяц	83
Толян	85
Одно мгновение июня	87
Свет в окне	89
Футбол с большой буквы	90
Заботой матери храним...	94
Голубой конвертик	97

ББК 84(2Р=Рус)6
Ч-49

Литературно-художественное издание

ЧЕРНОПЯТОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

ПАДЕНИЕ ИСКЛЮЧЕНО!

СТИХИ И ПРОЗА

Подписано в печать 10 ноября 2017 г.

Бумага офсетная 80 г/м².

Печать цифровая

Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии РПА «Ректаймс».

650001, г. Кемерово, ул. Черемховская, 1В.

тел.: (384-2) 76-87-44